

С. С. Феоктистова

БОЕВЫЕ МАРШИ ПОЭТА-ТРУБАЧА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТА СЕРГЕЯ ГЕОРГИЕВИЧА ФЕОКТИСТОВА

Я — поэт, и этим интересен...

В. В. Маяковский, «Я сам»

В 1940 году политрук Сергей Георгиевич Феоктистов прибыл к месту дальневосточной службы после окончания Московского военно-политического училища имени В. И. Ленина (отделение «Газетное дело»). Десятилетняя любительская дружба сельского гармониста со средствами массовой информации после московской учёбы окрепла и на Амуре переросла в профессию. На протяжении 60 лет военный журналист сумел держать читательское внимание и заслужить доверие, уважение и любовь земляков.

Сергей Георгиевич Феоктистов.

Опытный курсантский запевала знал, что «песня — кратчайший путь к сердцам товарищей, друзей, коллег».

Марши сопровождали комсомольского активиста на боевых учениях и на привале, в спортивных соревнованиях и в походе.

На амурской границе политрук осваивал пешком или верхом тропы и перевалы, непроходимые буреломы и болота, громко напевая «Авиамарш» времён курсантской юности в Ейском военном училище морских лётчиков.

И поэт подбирал в избранном популярном ритме припев или победную концовку к своим стихам о краснозвёздных воинах-пограничниках:

*Мы все пойдём в последний бой,
Как шли защитники Хасана.
(«Моя звезда», 1939 г.) [5]*

Любое устное или печатное выступление молодой политрук посвящал достигнутым и будущим победам Дальневосточного фронта:

*...Мы дали хороший урок самураям
За наш молодой потревоженный край!
(«Николаю Островскому», март 1941 г.¹)*

Генетическая тяга советских людей к звучащему поэтическому слову понятна в военном обществе и в учебном коллективе. Поэзия, как концентрированная, очищенная от словесной шелухи связь, раскрывала суть событий, душу автора и его оценку каждого героя. От песен политрука захватывало дух, его документальная поэзия злободневно заостряла события, а известные герои и их поступки становились монументальными.

Политрук С. Феоктистов откликался на каждое сообщение о героических пограничных конфликтах краснозвёздных воинов. География и хроника поэтического боя похожи на репортажи с полей сражений, а воюющие солдаты и командиры служили образцами для подражания.

Разными словами и выражениями рассказывал военкор Сергей Феоктистов, как во имя неприступности наших границ и предстоящих походов бойцы и офицеры совершенствовали боевую выучку, усиливали мощь дальневосточных частей.

Советская военная журналистика и поэзия 1941 года раздвигала горизонты времени, воссоздала атмосферу исторического лета, погружала читателей в резонансные события, знакомила с легендарными именами героев сопротивления на Дальневосточном фронте (ДВФ) и летописцев их подвигов.

С первых дней Великой Отечественной войны политическая, физическая и моральная подготовка бойцов ДВФ, упреждающие марши и песни корреспондента «Тревоги» настраивали дальневосточников — амурских пограничников — только на победу:

*Мы грозную клятву и волю народа
В боях выполняли не раз.
Монгольские степи, амурские воды
Расскажут потомкам про нас.*

*Припев: Кто сердцем смел, тому в бою
Коварный враг не страшен.
Любую гадину-змею
Раздавит сила наша.*

¹ Здесь автор приводит строчки из стихотворения, хранящегося в его семейном архиве.

*Сыны легендарных отцов-партизан,
Бойцы возрождённой земли,
Чьи дерзкие штурмы запомнил Хасан,
К победе со знаменем шли.*

*Оружие наше не знает отказа,
Великий советский народ.
Мы ждём твоего боевого приказа,
Мы снова готовы в поход...*

(«Красноармейская дальневосточная», 26 июля 1941 г.) [4]

Холодной осенью 1941 года, когда запад страны охватили паника и разброд, советские журналисты оценивали потери территорий, писали о разрушенных городах, пленениях красноармейцев и гражданского населения. Дальневосточные поэты формировали звериный облик врага, поднимали и сплывали народ и армию. Амурский форпост держал оборону, выполнял директиву Главнокомандующего, и ни один самурай не ступил на амурскую землю.

*Горнисты играют тревогу:
Пришла боевая пора.
Гремит по военным дорогам
Могучее наше «Ура»...
Хотели враги поживиться
Священным народным добром,
Но встретили их на границе
Советские танки огнём...
Стальным и незыблемым строим
Идёт за отрядом отряд,
И конница стелется полем,
И чкаловцы в небе летят.
С врагом беспощадна расплата:
За подлый грабёж и разбой
Кровавые звери-пираты
Заплатят своей головой.
Их давят лихие танкисты —
Герои советской страны...
И сгинут позорно фашисты
В пожарах народной войны.
(«Боевая походная», 26 августа 1941 г.) [2]*

Сегодня каждый школьник знает, что грозной осенью 1941 года Дальневосточный фронт был вооружён по остаточному принципу. Командование стремилось до амурского ледостава отправить в эвакуацию в Сибирь женщин и детей, а недостаток танков и самолётов компенсировать моральной и боевой подготовкой красноармейцев, авральным ремонтом разбитой техники, прибывающей с западных фронтов.

Крылатые песни, написанные в первый военный год Сергеем Феоктистовым и композитором Владимиром Румянцевым (руководителем ансамбля песни Дальневосточного фронта), сплывали и объединяли земляков перед лишениями и боевыми потерями. Горячие искренние марши звучали по радио, в выступлениях малых фронтовых бригад ансамбля, разлетались по гарнизонам в листовках и газетах, на плакатах и в лозунгах:

*Орлицу-мать не выдадут орлята.
Несокрушимы грозные полки.
По зову партии в суровый час расплаты
Питомцы Сталина пошли в штыки.
Припев: В смертельный бой
За землю и свободу
Пошли решимости и мужества полны
Непобедимые богатыри народа
Великой героической страны.
Разящий шквал Советского металла
Везде кровавых варваров найдёт,
Испепелит взбесившихся шакалов,
Их подлый прах по ветру разнесёт...
(«Орлицу-мать не выдадут орлята...», июль 1941 г.) [9]*

Под ритмичные песни С. Феоктистова подростки маршировали на уроках военной подготовки, а девочки стирали и сматывали бинты для повторных занятий по санитарной подготовке.

...Бойцы литературного фронта работали на переднем крае по 25 часов в сутки, вместе с пограничниками рыли окопы, превращали амурский рубеж в непреступную крепость для самураев — военных союзников фашистской Германии. По ночам творческие фронтовые бригады художников и поэтов создавали боевые сатирические плакаты для пропаганды и агитации... Литературный работник Сергей Феоктистов радовался, когда, возвратясь в редакцию, находил на столе пачку новых писем с адресом: Хабаровск, поэту Сергею

Феоктистову. Он черпал в этих посланиях новые темы и формы, новые ритмы и рифмы... Политрук успевал работать для фронтовой и советских газет, для краевого радиокомитета и комитета КрайТАСС, выступал на привокзальных митингах и в военкоматах, на заводах и на заставах... Всюду земляки ждали его разоблачающие стихи, его уверенный мобилизующий голос.

Сергей Феоктистов выбирал народные формы поэзии, писал перепевы популярных песен, частушки к сатирическим плакатам КрайТАСС, призывы, лозунги, азбуку новобранца... В самые тяжёлые дни зимнего отступления поэт вдохновлял на сопротивление и борьбу — жизни родных и близких земляков стоили того, чтобы сражаться за них...

Коллеги шутили, что Феоктист-артист может переложить на марши даже устав караульной службы...

*...Пожар войны идёт по нашим сёлам,
Он оставляет пепел за собой.
Сынов своих, питомцев комсомола
Страна зовёт на подвиги, на бой!
Возмездья ждут обугленные хаты,
Разрушенные Львов и Каунас.
В суровый час безжалостной расплаты
Страна проверит каждого из нас.
...Оружие и молодость, и силу
Отдай в бою Победе над врагом!
Сражайся так, чтобы не стыдно было
Тебе с друзьями встретиться потом...
(«Прославь оружие своё!», 7 сентября 1941 г.) [10]*

Выполняя гитлеровский план «Барбаросса», моторизированные ударные фашистские части рвались на Восток, чтобы сравнять с землёй гордый Ленинград. И вот кольцо замкнуто, и 8 сентября немцы нанесли на свои карты исторические храмы и шпили царской столицы для уничтожения. Началась 900-дневная ленинградская блокада, проверка великого народа на стойкость и мужество, когда фашисты не сомневались в успехе.

*Но стоят полки надежней стали.
И гремит призыв с броневика:
«На колени Ленинград не встанет!
Город нашим будет на века!»*

*Не сожгут ни юнкерсы, ни пушки
Смольный, отвоеванный в борьбе,
Улицы, где жил великий Пушкин,
Где Некрасов пел о голытьбе...
(«Город Ленина», октябрь 1941 г.) [3]*

Теперь в поэзии Сергея Георгиевича исчезли общие места и призывы. На первое место выступили личные обращения политрука к каждому бойцу: защитник, неустрашимый воин, герой. Стихи звучат, как собственная клятва и как приказ: *делай, как я, делай лучше, чем я.*

*Мне гнев покоя не даёт:
Я не забыл, пруссак,
Как ты спокойно самолёт
Навёл на мой очаг...
В дыму, у рухнувшей стены
Я постарел с лица,
Когда увидел труп жены
И сына — мертвеца...
Мне сила праведной руки
Отчизною дана.
Я за тебя пойду в штыки,
Любимая жена!
Я под землёю разыщу
Убийцу Твоего.
Я втрое немцу отомщу
За сына своего.
Он никуда, кровавый гад,
От смерти не уйдёт...
— В штыки! — кричит лихой комбат.
И я бегу вперёд.
(«Мститель», октябрь 1941 г.) [6]*

Публицистические стихи политрука звучали как рапорт, как документальные письма с фронта. Честные, эмоциональные строки формировали гражданскую гордость читателей, закаляли душевную стойкость дальневосточников.

Ежедневные репортажи военкора давали землякам силу жить и работать, служить и бороться в аду вражеского окружения, прессинга и постоянных агрессий и провокаций с воздуха, моря и всех границ.

Харизму — способность ощущать чужое страдание, умение зажечь, повести за собой — отмечали все читатели поэта и собеседники агитатора.

Атакующие куплеты Сергея Феокистова к политплакатам КрайТАСС «Удар по врагу» воспитывали гражданственность, влияли на становление вчерашних школьников, мобилизовывали мужество и отвагу краснозвёздных патриотов ДВФ.

*Для шкуры немецкой —
Запомни, боец!
И пуля — не дура,
И штык — молодец!
Август 1941 г.*

Боевые плакаты политической сатиры Хабаровска 1941–1942 годов тиражировались на всю Россию, они вошли в книжную летопись как изобразительно-литературные произведения Великой Отечественной войны, как карточка литературного цеха.

*Геббельс в гневе шлёт угрозы
На московские морозы:
Трудно стало врать плуту:
Мёрзнут «утки» на лету!
Сентябрь 1941 г.*

Литературный сотрудник газеты «Тревога» был интересен для читателей всех возрастов и профессий. «Я вырос из Отечественной войны», — признавался политрук-поэт. Фронтовой корреспондент оперативно откликался на поступки и подвиги дальневосточников на разных участках фронта — от моря и до моря. И марши-стихи амурского трубача печатали от Тихого океана до партизанских отрядов Белоруссии военные и советские газеты различного ранга, разные военные журналы: «Красноармеец» и «Краснофлотец», «Советский воин» и «Пограничник», «Московский комсомолец» и «Вожатый», «Огонёк» и «Октябрь», «На рубеже».

Не добившись заметных успехов на ленинградском направлении, ударные танковые части врага в октябре повернули к Москве, чтобы успеть захватить столицу до морозов и провести парад победителей по пригласительным билетам фюрера на Красной площади. Согласованно и синхронно и японцы активизировали свои полёты и разведки боем вдоль амурской границы, забрасывали укрепрайоны и заставы листовками с приказом открыть восточные

границы. Но И. Сталин телеграфировал командующему Дальневосточного фронта Иосифу Апанасенко, своему товарищу по Гражданской войне: «Даже думать не смей!!! Мне второй фронт нужен в Европе! Немцы уже в бинокли рассматривают башни Кремля!» И ДВФ форсировал срочные рокировки амурских дивизий и фронтовых рот... Воинские части новобранцев из среднеазиатских республик, что успели чуть-чуть поучиться и принять присягу, заступали на боевое дежурство под номерами прежних, таёжных соединений, только с пометкой «бис», а закалённые в суровых условиях сибиряки и дальневосточники грузились в товарные вагоны и на курьерских скоростях по «зелёной дорожке огней светофоров» мчались к Москве.

*В огне боёв мы закаляли волю,
И тяжело, и горько было нам.
С какой тоской, с какой сердечной болью
Мы отдавали города врагам...
Мы оставляли и родных, и хаты,
Скрипя зубами, шли мы на Восток...
Мы верили: придёт пора расплаты,
И будет гнев наш страшен и жесток.
Вождь верил нам, он верил в нашу силу,
И мы душою поняли тогда,
Что под Москвой найдёт свою могилу
Безумная немецкая орда.
Мы разочтёмся полностью с врагами,
В заснеженных лесах враг не пройдёт.
Настанет час. И гвардия с боями
К Победе наше знамя развернёт.
(«На Красной площади», 8 ноября 1941 г.) [8]*

После ноябрьского парада красноармейцы с полной выкладкой отправлялись на передовые позиции, о чём дальневосточники услышали в вечернем репортаже по радио. Но номер газеты «Тревога» с отчётом военкора о столичном параде 10 ноября многие красноармейцы и их семьи хранили до конца войны как свидетельство начала наступления и великой Победы.

Но не все военные события отражались в газете ДВФ «Тревога» день в день. Например, о подвиге гвардейцев дивизии генерала И. В. Панфилова при обороне Москвы Совинформбюро рассказало 17 ноября 1941 года. Через день читатели газет Дальнего Востока громко декламировали на политинформациях

«Поэму о 28 панфиловцах» и славили советских гвардейцев. Послевоенные исторические исследования показали, что не все литераторы фотографически и календарно излагали ноябрьские военные события на Волоколамском шоссе, героев под Москвой было больше, не все погибли, не все выдержали бремя славы... Но Политбюро ВКП(б) постановило (1946 г.), что в целях идеологического воспитания молодёжи не следует разрушать народные легенды о солдатских подвигах на полях сражений. Поминальный звон поэтических колоколов призывает продвигать историческое солдатское прошлое, крепить оборонные традиции русской поэзии и советской журналистики, воспитывать веру призывников в будущее... «Каждая строка должна быть обдумана, каждое слово предельно взвешено, чётко обосновано и незаменимо», — наставлял молодых корреспондентов литературный сотрудник газеты «Тревога» Феоктистов. Он и сам ежедневно отдавал долг памяти и гордости подвигам земляков, сражавшихся на далёких фронтах «за волю нашу, за землю русскую».

*Земля горит. Земля взывает к мести!
Народный гнев и страшен и суров.
Отныне мы считаем делом чести
Сплошное истребление врагов.
Отныне мы даём святое слово:
Ни жалости, ни милости к врагу!
Сражаться, как защитники Ростова,
Равняться по гвардейскому штыку!
Под огненным и смертоносным вихрем
Мы будем драться, как Гастелло — капитан,
Как молодой, горячий Талалихин,
Идущий на стремительный таран.
В лихих всесокрушающих атаках,
Ни юности, ни жизни не щадя,
Мы истребим поганых вурдалаков,
Мы победим под знаменем вождя!
(«Мы победим!», 5 декабря 1941 г.) [7]*

«Насильно любить своё Отечество не заставишь... Нужно помочь молодёжи познать историю родного края и её достоинства во времена общественных преобразований, научить любить и защищать Родину не только в периоды благополучия, но особенно в годы испытаний», — наставлял молодых журналистов ветеран Дальневосточного фронта С. Г. Феоктистов.

Наибольший успех выпал на раздольный гимн «Амур-батюшка», созданный в честь Победы Красной армии под Москвой. Баллада воплотила личное и общественное отношение красноармейцев к Амуру и родному краю, стала символом единения народа и армии.

За годы войны песня стала культовой и знаковой, музыкальным знаменем и талисманом амурских дивизий Дальневосточного фронта. Ещё живы ветераны и вдовы, дети и внуки победителей Священной войны, которые хранят в памяти подвиги амурских богатырей под Москвой, под Сталинградом, на других стратегических фронтах Европы. Самоотверженный героизм амурских пограничных дивизий нельзя забыть, замолчать или заболтать в политических шоу.

*Они за честь, за честь амурскую
Не раз ходили в смертный бой.
За волю нашу, землю русскую
Стояли насмерть под Москвой.
У самой Волги, Волги-матушки,
У синего Днепра
Гремело их, да их таёжное,
Э-э-эх, гвардейское «У-ура!»
1942 г.*

Каждый год баллада выдерживала испытания огнём и временем, славой, кровью и памятью народа и заняла достойное место в Антологии песен Великой Отечественной войны ансамбля песни и пляски Российской армии имени А. В. Александрова между песнями-легендами «Катюша» (М. Исаковский, М. Блантер) и «Соловьи» (А. Фатьянов, В. Соловьёв-Седой). И сегодня слова гимна «Амур-батюшка» звучат символом боеготовности Дальневосточного округа к отпору недругов, «незванных заядлых друзей».

Более 30 лет Сергей Феоктистов дружил с ансамблем песни ДВВО под руководством Владимира Румянцева. В творческом тандеме политруки-лейтенанты «...творили дружно, чтоб скорее / Созрел Победы урожай...». Они создали более 30 солдатских маршей и песен: строевых, парадных, лирических, шуточных, которые украшали трудовые и боевые будни творческого коллектива, гастрольные выступления ансамбля по гарнизонам и посёлкам Дальнего Востока, в минуты дорожного отдыха.

После перевода художественного руководителя В. Румянцева в Балтийский военный округ (1970 г.) творческие связи с ансамблем ДВВО ослабли,

на смену пришли контакты с самостоятельными художественными коллективами города. Чаще других к Сергею Георгиевичу обращался руководитель городского хора ветеранов «Хабаровские вишни», профессор кафедры народных инструментов Хабаровского государственного института искусств и культуры Б. В. Панков. Борис Васильевич обожал поэзию, сам сочинял стихи и музыку на стихи хабаровских поэтов. Городские фестивали авторской песни проходили обычно весной как смотр творческих коллективов, как отчёт творческой интеллигенции ко Дню Победы. Наиболее удачные новинки прямо с концерта ветеранов уходили в народ:

*...Здесь лётчиков первых родимый причал.
Он первых космических братьев встречал
И нас провожает в простор голубой — Амурский прибой...
О, как незаметно мой правнук подрос
И ветру навстречу зовёт за собой,
Где верной дворнягой лижет Утёс — Амурский прибой...
(«Амурский прибой», С. Феоктистов, Б. Панков, 1996 г.) [1]*

Марши о героических страницах истории Отечества, боевых заслугах земляков и преемственности воинских традиций, единстве армии и народа всегда находили отклик у слушателей. Военные марши С. Г. Феоктистова сохранили героическую историю, запечатлели её в своих ритмах. И как и тогда, несут в себе рвение к победе, волю и мужество целого поколения наших предков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Феоктистов, С. Г. Амурский прибой («До первой звезды не отпустит домой») / С. Г. Феоктистов. — Музыка (знаковая) : непосредственная // Панков Б. В. Солнце восходит с востока : песни, хоры на стихи дальневосточных поэтов / Б. В. Панков ; Хабар. гос. ин-т искусств и культуры. — Хабаровск, 2011. — С. 112–114.
2. Феоктистов, С. Г. Боевая походная («Горнисты играют тревогу...») : марш / С. Г. Феоктистов ; муз. Г. Буденного. — Музыка (знаковая) : непосредственная // Тревога. — 1941. — 16 авг. — С. 4.
3. Феоктистов, С. Г. Город Ленина («Под жестокий грохот канонады...») / С. Г. Феоктистов // Тихоокеанская звезда. — 1941. — 10 окт. — С. 3.
4. Феоктистов, С. Г. Красноармейская дальневосточная (строевая) («Мы грозную клятву и волю народа...») / С. Г. Феоктистов ; муз. Г. Буден-

ного. — Музыка (знаковая) : непосредственная // Тревога. — 1941. — 26 июля. — С. 3.

5. Феоктистов, С. Г. Моя звезда («Я помню хату у пруда...») / С. Г. Феоктистов // Большевик. — Краснодар, 1939. — 6 янв. — С. 3.

6. Феоктистов, С. Г. Мститель («Мне гнев покоя не даёт...») / С. Г. Феоктистов. — Текст : электронный // ВКонтакте. Страничка Елены Гончаровой. — URL: https://vk.com/wall26872675_75045.

7. Феоктистов, С. Г. Мы победим! («Мы сердцем и душою отыскали...») / С. Г. Феоктистов // Тревога. — 1941. — 5 дек. — С. 2.

8. Феоктистов, С. Г. На Красной площади («В огне боёв мы закаляли волю...») / С. Г. Феоктистов // Тревога. — 1941. — 8 нояб. ; 1942. — 21 янв.

9. Феоктистов, С. Г. Орлицу-мать не выдадут орлята / С. Г. Феоктистов // За родину : сб. стихов. — Хабаровск, 1941. — С. 39–40.

10. Феоктистов, С. Г. Прославь оружие своё! («Пожар войны идёт по нашим сёлам...») : марш / С. Г. Феоктистов // Тревога. — 1941. — 7 сент. — С. 3.

Фотография предоставлена автором.